

(МОСКВА)

Серьезная литература — не моментальная фотография бытовых положений, не затушевывание границ между понятиями добра и зла, не усыпляющая колыбель «морали середины», этого подозрительного компромисса совести и разума, не оправдание левых и правых изгибов истории при взгляде на тернистый путь человечества, но литература — это трезвое отношение человека к действительности, ибо художественное творчество служит не богам, не интеллектуальной элите, не модному бульвару, а обыкновенному человеку и его благо.

Социалистический реализм, так же как марксистская эстетика и философия, давно уже не находится в состоянии изоляции, а составляет важную часть мировой культуры. И если мы говорим о глобальной опасности вырождения и перерождения литературы буржуазной, то это, разумеется, не значит, что все западные художники предали, развратили и омертвили слово, перестав мучиться насущными вопросами бытия. Однако два кита «цивилизации изобилия» — деньги и власть людей, желающих стать неограниченными властелинами богатств, — растлевают и опошляют саму идею человека, оглушают смысл его жизни, приносят унификацию и увечье чувств, стандартизацию мысли, торжество бессердечного разума.

Несомненно, технический прогресс — это прогресс социальный, но грядущая технократическая диктатура не угрожает капиталистическому миропорядку. Индивид общества «сверхпотребления» становится рабом кредита и безрадостных удовольствий в «райских садах» вещей, и каждый в духовном бессилии перед властью предметов, опустошенный ею, чувствует себя одиноким островом в отчужденном мире.

Нашу научно-техническую революцию семидесятых годов я назвал бы целью и смыслом не только новой, социалистической экономики, но и самой субстанции человека. Смысл и цель — не крах добрых таинств мироздания и человеческой души, не отчуждение, а усилия, направленные на усовершенствование человека, требующие напряжения разума и чувств.

Во всемирной литературе уживаются романы-утверждения, романы-отрицания, романы-сомнения, романы-предупреждения. Почти все предшествующее искусство критического реализма я позволил бы себе определить как «сопротивление личности существующему бытию», социалистический реализм — это утверждение свободной личности через исследование судьбы, через осознание действительности, следуя одной из основных тенденций великой русской прозы — **заражать людей интересом к человеку,**

В искусстве XIX века категория красоты была словно бы ключом к закрытым вратам цветущего сада человечества, несмотря на язвительную критичность сомневающихся натуралистов: «А есть ли этот сад, вечна ли красота?»

В практическом XX веке подчас стеснительно забывают о понятии прекрасного, заменяя его понятием «правда истории». Два понятия этих между тем не находятся в состоянии вражды. Поэтому, является ли современный роман весами, взвешивающими одну из возможностей истины, взятую у истории, или же этот роман — лишь спровоцированный в производстве конфликтный момент истории, ставший для писателя вроде бы прототипом художественной правды, все это поверяется наивысшей мерой — талантом.

Из чего же складывается категория современности? Вероятно, все-таки это соединенный в одно понятие комплекс явлений, проблем, поступков, усилий множества людей или целого общества в определенный промежуток времени. Чувство и понимание правды складываются из ряда объективных и, если так можно выразиться, субъективных параметров. Вот сюда входит ничем не заменимый элемент — духовный, его нельзя потрогать руками и тотчас исчерпывающе определить его качество на ощупь.

Хотя в живой литературе непостоянен, изменчив комплекс идей и комплексов средств выражения, противопоставлено их отбегивать — в противном случае не нарушается ли гармония естественности?

Естественность же эта почасту нарушается, когда произведение художника разбирают на две части, не проникая в суть его формы как выраженной мысли, что уже порождает не только нивелированный подход к разным писателям, но и удручающую «мораль середины».

Таким образом, если посредственность имеет надежду быть признанной за высоту искусства, то, наверное, постепенная утрата критериев может привести нас под серые знамена «массовой литературы», а не «литературы для масс». Это несовместимо разные вещи.

Большое искусство, исполненное общечеловеческой мысли, не имеет национальных ограничений, хотя у него есть место и время рождения, неповторимые особенности эпохи и родного крова. В то же время в зрелую пору оно выходит за пределы родительского родного дома и тогда принадлежит всему человечеству.

Поэтому современное творение «Война и мир» представляется в моем воображении разительно иным, чем знакомый нам великий образец. Я представляю роман, разрушивший рамки классических коллизий и вышедший на просторы земного шара, потому что весь мир является сейчас сценой, где сходятся и перекрещиваются линии кардинальных проблем современности: Человечество в истории и история в Человечестве; земля и человек, человек и его отношение к существу, что сделало его человеком; война, угроза гибели, кровь и надежда; справедливость и жестокость; интернационализм и национализм; нравственность, как социальная совесть каждого; движение коммунистической идеологии, завоевание свободы и процесс становления личности; идея самой личности как самого ценного феномена на земле; **судьба человечества.**